

вать меня оракуломъ, кудесникомъ, прорицателемъ будущаго, гадалкой, ворожеей .. чѣмъ угодно, только не «учителемъ», а во вторыхъ, съ меня, уже въ силу этого самого, снимаютъ всякую отвѣтственность за дѣйствіе и дальнѣйшія послѣдствія моихъ словъ, которыя я произношу въ этомъ «безсознательномъ», невмѣняемомъ состояніи. Но понятіе «безотвѣтственности» и понятіе «учительства», согласитесь сами, такъ-же несоединимы другъ съ другомъ, какъ и понятіе «учительства» съ «безсознательностью» его.

Но еще болѣе страннымъ должно, при этомъ, показаться, какимъ образомъ, полагая возможнымъ безсознательное учительство художника, считаютъ въ тоже время необходимымъ дѣлать эту мысль предметомъ пространныхъ писаній, зная отлично, что самъ-то «безсознательный учитель» тоже, разумѣется, прочтетъ и, если онъ—чуткая къ нравственнымъ вопросамъ натура, то призадумается, конечно, какъ это его безсознательному баловству приписываютъ характеръ «учительства»... И тогда—одно изъ двухъ: или мы хотимъ сохранить его дарованіе, «непосредственность» его творчества---будемъ говорить ему сколько угодно о его дарованіяхъ, его образахъ и т. п., только не станемъ говорить ему о томъ, что онъ *учитель*, дабы не могла до ушей его дойти комичная истина, что онъ, какъ докторъ у Мольера, оказался въ роли «учителя *malgré lui*»; или же, если мы хоть сколько нибудь цѣнимъ въ немъ еще что либо, кромѣ его «дара случайнаго»,—его таланта, если мы видимъ за нимъ еще *человѣка*,—то постараемся лучше, вмѣсто того, чтобы восхвалять безсознательность его творчества,—выяснить ему,—да не ему одному, а черезъ него и всѣмъ, въ принципѣ—какъ это мы дѣлаемъ на другихъ «эстетическихъ» вопросахъ художественнаго творчества—вопросъ объ обязывающей, этической природѣ его художественнаго таланта. Иначе «без-